

ФИЛОЛОГИЯ, ӘДЕБИЕТТАНУ ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ ФАКУЛЬТЕТІ

МЕЙІРІМ

(Ой-толғамдар, зерттеулер, естеліктер)

Белгілі ғалым, филология ғылымдарының докторы, профессор,
ҚР Жоғарғы мектебі Ұлттық ғылым академиясының академигі

Қансейіт Әбдесұлының

60 жылдық мерейтойына арналған

«ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТТАНУ ҒЫЛЫМЫ МЕН
ӘДЕБИЕТ СЫНЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ»

атты халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары

5 маусым 2013 жыл

Филология ғылымдарының докторы, профессор,
ҚР Жоғарғы Мектебі Ұлттық ғылым Академиясының академигі
ҚАНСЕЙІТ ӘБДЕЗҰЛЫ

дарының
Қансейіт
ЕТТАНУ
ғылыми-
еті, 2013.

ӘҰУ, 2013

говимые чутким слухом иронические нотки в изложении, заземляют восприятие, что возможно, допустимо в избранной жанровой форме.

Удивляет созвучие некоторых характеристик. Этимологическая семантика одной из звезд получила в работе У.Абишева такое оформление: «Шолпан видна или перед восходом Солнца (когда баранов гоняли на пастбище) или после захода Солнца (когда их пригоняли с пастбища). Вероятно, поэтому она получила название «Шолпан (или Шопан жулдызы)» - «Пастушья звезда» [6,15]. Налицо стилизованная прозаичность, вводное слово «вероятно» обеспечивает возможность вариативного прочтения, вносит нотку сомнения в его единственность. Автор – повествователь воссоздает в «Черном арабе» собственный архетип. «Когда и как загорелась первая звезда мы не заметили... В то время в ауле остатки семьи старика возились со стадами. Что они там делали, нам не было видно: вероятно, доили коз, кобылиц и верблюдов. У них там кто-то пел, и так просто и однообразно, будто это шалун-мальчишка позвякивал ручкой ведра. Под звуки этой песни стада постепенно ложились на землю. И вот, когда опустились два верблюда, и весь скот сравнялся, и песня смолкла, тогда я увидел первую звезду. Ее будто спустили к нам на серебряной нити – такая она была большая и низкая» [т.4,510]. Здесь необходимость служебного слова «вероятно» в пришивинской проекции подтверждается стремлением точно соблюсти пространственную перспективу с той «точки зрения», на которой пребывают путешествующий автор и его проводник: в открытой степи, несколько в отдалении от аула. И потому не видно, что делается в ауле, но можно точно прогнозировать все раз наблюдаемую архетипическую ситуацию. Ее содержание отражено в дневниковой записи: «Самое лучшее время – вечер, стада стекаются ... ягнят привязывают к петлям на длинной веревке голова к голове ... за овцами коровы ... женщины доят... Сопки... Долина между холмами... Не хочу оторваться... степь живая... только теперь понимаю ее жизнь, раньше пустыня» [т.7,51]. Итак, извечная повторяемость ситуации создает условия для ее архетипического восприятия: не видно, но известно.

Звездные беседы в условиях проиллюстрированного живого «кусочка кочевой жизни» прогнозируют единственность значения, которое «не подменяет настоящее будущим, сущее – должным». В который раз в реальности сотворяется тот миф, который «не отрицает одно, чтобы утверждать другое, – он пытается понять единство всего сущего и в этом согласуется с подлинным реализмом, в сферу которого на равных правах входят понятия, настроения, предметы, поступки» [3,240]. Безусловно, значимой представляется информация о звездах – мифах: «- Чолпан! – сказал Исаак. – Пастушеская звезда восходит, когда стада возвращаются с поля и меркнет, когда стада уходят утром кормиться. Самая хорошая наша звезда» [т.1,541]. Но более значим рефрен, сопровождающий диалог: «Все это видно с древних времен ... и у нас и у вас, везде одинаково» [т.1,541].

И потому глубинным, космогоническим смыслом наполнено содержание дневниковой записи: «Кто видел звезды из аула, того они и будут сопровождать. Когда-нибудь и по Невскому проспекту я увижу те же звезды и скажу: «Вот Семь воров, вот Гибель Ослов, Чолпан...» [т.7,53]. Эта запись выводит творческую мысль Пришвина в диалогический контекст – контекст космического сознания.

Литература

1. Жолковский А.К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. – М.: Сов. писатель, 1992.
2. Пришвин М.М. Собрание сочинений в 8 т. – М.: Художественная литература, 1982-1986, т.7. (Здесь и далее цитаты из произведений автора даются в квадратных скобках по указанному изданию, первая цифра обозначает том издания, вторая страницу).
3. Новый мир. – 1981, № 4.
4. Воспоминания о Михаиле Пришвине. – М.: Сов. писатель, 1991.
5. Дворцова Н.П. Три редакции «Черного араба» М. Пришвина. // Творчество М.М. Пришвина. Исследования и материалы. – Воронеж, 1986.
6. Абишев У. Астрономические представления казахов. – Алма-Ата: Учпедгиз, 1959.

А.И. Ахметжанова,

*доцент каф. русской филологии
русской и мировой литературы КазНУ им. аль-Фараби*

ЖАНР КАК ТИП ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В литературоведении понятие «жанр» понимается как «исторически складывающийся тип литературного произведения», в теоретическом понимании жанра «обобщаются черты, свойственные более или менее обширной группе произведений какой-либо эпохи, данной нации или мировой литературы вообще». Проблема жанра в современном литературоведении связана с «проблемой классификации произведений, выявление в них общих – жанровых признаков».

Как известно, «каждый функциональный стиль реализуется через систему своих собственных жанров». Жанр наряду с общими чертами функционального стиля, присущими всем его жанровым разновидностям, несет в себе и собственные специфические черты, определяемые конкретными целеустановками. Вместе с тем, жанр - понятие неоднородное и предрасположенное к делению на жанровые разновидности. Степень расположенности к жанровым разновидностям напрямую зависит от степени жесткости композиционной структуры жанра.

Деловые документы на Руси возникли вполне закономерно сразу же после появления письменности. Исследователи считают, что «многие законы древнерусского государства сложились и закрепились в устной форме в дописьменный период, а в письменности был зафиксирован готовый, обработанный устный текст этих законов. В посольских, договорных, воинских речах до появления письменности были выработаны, очевидно, деловые термины и устойчивые выражения».

Наиболее ярким и ранним образцом делового языка является «Русская правда» - свод феодальных законов Киевской Руси XI-XII вв., в которой нашло свое письменное закрепление устное право не позднее XI в. по научным сведениям краткая редакция этого памятника возникла в XI в. И сохранилась в списках XV в. От эпохи Киевской Руси сохранилось немного пергаменных грамот. Более многочисленные памятники (грамоты) XIII-XIV вв.

Интерес, который проявляют государственные учреждения ко всем изменениям общественно-политической и социальной жизни Московской Руси, обуславливает дальнейшее обогащение, а также дифференциацию жанров деловой письменности. В этой связи Н.А. Мещерский отмечает, «обогащение и увеличение числа форм деловой письменности косвенно влияло на все жанры письменной речи, и, в конечном счете, способствовало общему росту развитию литературно-письменного языка Московской Руси».

В функционально-жанровом отношении памятники деловой письменности неоднородны. Так, в научной литературе они разграничиваются на такие группы, как: а) актовая письменность (грамоты, кабалы, записки писцовых книгах и т.д.); б) статейная письменность; в) эпистолярная письменность (письма и другие бумаги написанные в эпистолярном жанре). Также, в круг материалов, относящихся к деловой письменности, можно включить отказные, таможенные и другие приходо-расходные книги, челобитные, сказки, расспросные речи.

Среди огромного числа памятников деловой письменности наибольшее распространение имели такие разновидности, которые являлись фактом фиксации различных форм хозяйственной деятельности, например: отказные, посевные, ужинные, опытные книги и памяти, приходо-расходные и таможенные книги; челобитные, обыскные, сыскные, допросные и расспросные речи; отписки, сказки, поручные и другие записи. Как отмечает А.А. Кожин, «в языке этих жанров деловой письменности просматриваются приемы словоупотребления, свидетельствующие о наличии стилистических норм, которые имели широкое распространение в сфере делопроизводства и соблюдались при оформлении того или иного документа».

В дипломатической практике существует жанр, называемый статейными списками. Под статейными списками в науке понимают, как и в дипломатической переписке, официальные отчеты русских послов о выполнении возложенной на них дипломатической миссии. Составлялись данные отчеты в форме дневников, в которых подробно описывались все события посольства, а также речи русских дипломатов и ответные речи их коммуникантов. Собственно, повестями эти отчеты становились позднее в летописных изложениях устных посольских «речей».

Содержание деловых документов определяет их стиль: лаконичность, клишированность фраз, юридическая точность и др. В деловой письменности отражаются особенности народно-разговорной речи, и это обусловлено тем, что тексты создавались местными уроженцами, освещавшими различные явления быденной жизни простого люда. Тем не менее, необходимо отметить, что деловая письменность очень широко была развита в Московской Руси. Именно на основе московского говора в XV-XVI вв. развивается деловой - «приказный» язык Московской Руси, сформировавшийся в основном в московских «приказах». Таким образом, на языке, называемом приказным, писались государственные и юридические акты, письма московских великих князей, посольские донесения, географические и исторические сочинения, лечебники и мн. др.

Итак, «приказный язык», по определению известного российского специалиста в области истории языка Л.В. Ремневой, «это язык документов, составленных профессиональными писцами, дьяками и подьячими приказов на всей территории Московского государства. С точки зрения жанра, основной корпус текстов, написанных приказным языком, представляет собой указы, памяти, крепости, акты, составлявшиеся и рассылавшиеся в местные приказы».

Приказная система управления проходит ряд стадий развития: от постепенного перерастания временных поручений - «приказов» как разового поручения отдельным лицам до приказа как постоянного поручения («пункты», которые сопровождалось соответствующим оформлением должности - казначея, печатника, посольского разрядного, поместного, ямского и других дьяков. Приказы, прошедшие длительный путь эволюционного развития, просуществовали до начала XVIII в. Так, существовало три вида важнейших приказов: Посольский, Разрядный, Поместный, которые и являлись основным стержнем системы государственного управления России на протяжении более чем 200 лет.

В неопределенности числа приказов состоит суть самого приказного строя - текучего, меняющегося, приспособляющегося к различным историческим условиям и в то же время неизменного. Как утверждает Кортава, «приказный язык как достояние определенной корпорации писцов был функционально и тематически ограничен. Связь с письменной традицией отличает приказный язык от разговорного, однако отсутствие стилистической кодификации норм приказного языка сближает его с разговорным языком».

М.Л. Ремнева пишет: «Приказный язык, как и церковнославянский, был нормированным. Нормированность проявлялась не только на уровне языка, но и на уровне текста, так как будущие профессиональные писцы юридических текстов обучались правилам заполнения определенных образцов, формуляров различных текстов, свободному владению и пользованию юридическими формулами. Но в отличие от литературного языка, он не был кодифицирован. Отсутствие кодификации сближает приказный и диалектный языки и обеспечивает существование достаточно широкой области вариативности в данных языковых системах».

Сказанное позволяет внести дополнения: степень книжности деловых памятников была неодинакова. Документы, создававшиеся в верхах государства, отличались большей книжностью, поскольку писались они людьми, получившими книжное образование, которые придавали деловой речи легкую, но ощутимую книжную окраску.

Приказная система управления и соответственно приказный язык были для своей эпохи достаточно гибкими и эффективными, в то же время простыми и удобными, поскольку уже существовали обычаи и проверенный веками опыт. «Приказный язык, не имевший кодификационных источников, равных авторитетным грамматикам, так и остался на уровне стихийной кодификации. Грамматик не было, но существовала длительная письменная юридическая практика, закрепленная в определенных традициях составления документов, в правилах заполнения формуляров, отражающих прежде всего синтаксические нормы приказного языка».

Надо отметить, главная задача Посольского приказа XVI-XVII вв. состояла в постоянном контроле «за связи с иностранными государствами, присоединение новых территорий и собирание Российской державы. На протяжении двух столетий небольшой по численности штат приказа неустанно поддерживал отношения почти с тремя десятками стран. За это время непрофессиональные дипломаты собрали обширную военную, политическую, экономическую и культурную информацию о странах Европы и Азии, которая сохранилась почти в 800 посольских книгах».

Деловые документы, созданные на территории Казахстана и России весьма любопытны: они дают убедительное представление о широте делопроизводства, об устойчивых формах использования русского языка в различных жанрах деловой письменности.

Также, дипломатические и торгово-экономические отношения Казахстана и России создают благоприятные условия для активизации ранее начатых дипломатических связей между правителями обеих стран, и вместе с тем, для появления различных деловых документов на русском языке. Поэтому было вполне естественным то, что для перевода иноязычных текстов требовалось большое количество людей со знанием тюркских (восточных) языков. Это обстоятельство вынуждало Посольский приказ подыскивать людей, свободно владеющих русским и тюркскими языками. Необходимо заметить, что должность переводчика по сравнению с толмачами считалась высшей.

Необходимо заметить, что в XVII-XIX веках в сфере дипломатических, торговых и военных отношений в Центрально-азиатском регионе в основном господствовали такие традиции, как обеспечение неприкосновенности послов, предоставление послам ночлега, пропитания, корма для лошадей, взимание определенного размера таможенных пошлин и т.д. Длительное время, с молчаливого согласия участвовавших в международном общении национально - государственных образований региона, соблюдение этих традиций, то есть правил поведения государств, превращавшихся в нормы международного права.

Исследователь истории российской дипломатии Н.М. Рогожин пишет, что посольские обычаи в совокупности представляют особую форму дипломатического иммунитета, сводившуюся к личной неприкосновенности послов как в пути следования, так в местах пребывания их временной миссии, неприкосновенности имущества и официальных документов, наделению руководителей посольств рядом льгот и некоторых церемониальных прав.

Благодаря наличию посольских обычаев и внутригосударственных актов, имевших непосредственное отношение к посольским связям государств Центральной Азии, существовали такие ранги дипломатических представителей, как послы, послы по особым поручениям и посланники. Международное право в регионе уделяло значительное внимание вопросу о полномочиях дипломатических представителей. История Центральной Азии и, в частности, Казахстана знает случаи отказа о вступлении в официальные переговоры с послами, не имевшими полномочий от глав своих государств.

Правовое положение послов определяется не столько договорами, сколько посольскими обычаями, священной книгой мусульман - Кораном, а также, внутригосударственными законами. Право договоров в истории Казахстана и Центральной Азии складывается постепенно, в процессе исторического развития государств и осуществления ими своих внешнеполитических полномочий. В период с XV по XX вв. в Центрально-азиатском регионе действовали следующие виды дипломатических документов: договор, соглашение, протокол, обмен письмами и грамотами. Большая часть договоров в истории Казахстана заключена в форме писем и грамот.

Из рассмотренных материалов становится ясно, что все дипломатические переговоры, письма или переписка осуществлялись через переводчиков либо толмачей. Так, например, в одном из писем читаем:

«отправленный от Вашего выс-ва переводчик Мендияр Бекчурин с отправленным 2-ном начальствующим при нем с достойным почтением письмо Вашего выс-ва мне доставил, на которое в вышеописанных терминах я и отвечал, на что прошу не позневаться. (...) В прочем же, помянутый переводчик Ваш в дополнение словесно Вашему выс-ва донести может» (1779г. не позднее августа 13. - Из письма хана Аблая оренбургскому губернатору И. Рейнсдорту о взаимоотношениях с киргизами.)

«Когда сие старшинам серьез переводчика объявлено было, оное они со всякого готовностью исполнить желали, сказуя, когда-де наш хан и солтан то учинили, ио-де и мы с радостью оное учинить готовы...»

Также, деятельность переводчиков и толмачей является самой ответственной в контактах обеих стран. Переводчикам в отличие от толмачей необходимо было обладать умениями и навыками ведения письма, т.е. определенными принципами делопроизводства. Например, в современном понимании к определенным требованиям к переводу относятся:

- *точность*, которая означает, что «переводчик обязан довести до адресата полностью все мысли высказанные автором. При этом должны быть сохранены не только основные положения, но также и нюансы и оттенки высказывания»;

- *сжатость*, - «переводчик не должен быть многословным, мысли должны быть облечены в максимальную сжатую и лаконичную форму»;

- *ясность*, где «лаконичность и сжатость языка перевода, однако, не должна идти в ущерб ясности изложения мысли, легкости ее запоминания»;

- *литературность* – «перевод должен полностью удовлетворять общепринятым нормам литературного языка. Каждая фраза должна звучать живо и естественно, не сохраняя никаких намеков на чуждые переводимому языку синтаксические конструкции подлинника», в-пятых, слова оригинала не должны переходить в перевод, «исключением слов и выражений другого иностранного языка, вкрапленных в оригинал».

Обращаясь же к хронологизации и этимологии самого слова «толмач», необходимо отметить исследование И.Г.Добродомова, где он отмечает:» для хронологизации слова *толмач* в славянских языках важно не столько его широкое распространение, сколько соблюдение в нем регулярных внутриславянских соответствий (болгар. *тълмач*, сербскохорватск. *тулмач*, польск. *tułmacz* и т.д.), что свидетельствует о проникновении слова к славянам в период отсутствия еще противопоставлений в рефлексации сочетания *-ъл-* между согласными». «Сводимость в славянских форм слова типа русского толмач и т.п. к единому архетипу *тълмачъ* с несомненностью свидетельствует о древнем характере этого тюркизма».

В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой дано следующее определение слова толмач: толм. переводчик с одного языка на и другой при беседе, разговоре; толмачит, переводить с одного языка на другой толмичить, объяснять, толковать. (...) Др.-рус. *тълмачъ*=*толмачъ*(1261 г.) переводчик, *тълмачити*=*толмачи* *тълмачу* переводить устно чьи-нибудь слова. Огиенко определяет толмач как заимств. от татар. Во время нашествия монголо-татар практическое знание тюркских языков на Руси не ослабевает, а может быть, даже упрочивается в связи с потребностью поддерживать необходимое – подневольное - связи с завоевателями, частые поездки русских князей в Орду, общение с представителями Орды вызвали к жизни появление первых официальных переводчиков толмачей.

Переводчики и толмачи со времени появления Посольского приказа попадали на службу в приказ назначенные по челобитью или же по приказу. При этом, - как пишет Н.М. Рогожин, - никаких проверок уровня компетентности не требовалось. По челобитью назначались часть переводчиков, подьячих и, по-видимому, почти все толмачи, также, все приставы, сторожа и станичники.

Все лица перед тем, как устроиться на службу, перед назначением проходили проверку на знание языка, которую устраивали старшие переводчики. Так, экзаменационная практика Посольского приказа наглядно описывается переводчиком М.И.Арсеньевым в сказке 1737 года «Как произведен в переводчики».

«И пришед в приказ, переводчик Николай Спафарей мене свидетельствовал в языках. Потом дал грамоту венецкую по итальянский первестъ, заперли в казенку, и я перевел исправно. Потом тот курносой Николай Спафарей стал мне говорить: Я-де слышал, что ты по-гречески, и по-итальянски, и по-латински лучи умеешь наговоря и судом-напиши - де челобитную, что быешь челом в переводчики на трех языках».

Уже к концу XVII в. при подборе переводчиков и толмачей для Посольского приказа предпочтение отдавалось лицам, владеющим одновременно двумя и более западными, а также западными и восточными языками. По словам Д.С. Кулматов, примечательно, что с момента создания Посольского приказа был установлен строгий контроль по зачислению должностных лиц. Поэтому лица, изъявившие желание попасть в состав переводчиков толмачей, принимались в Посольский приказ в том случае, если имелось вакантное место.

При Екатерине II начинается новый и крупный поворот в сторону изучения тюркско-татарских языков направление определяется государственной необходимостью. Вследствие чего появилась потребность в людях, которые могли бы управлять областями, населенными нерусскими народностями, говорить с этими народами на их языке. Толмачи – переводчики были уже не в состоянии обслуживать государственную машину. Правительством Екатерины II -ой была поставлена задача подготовить знатоков тюркских языков. Императрица принимает решительные меры в этом направлении. Так, в начале восьмидесятых годов Екатерина II издает указ о введении в учебные планы-некоторых русских школ восточных языков, причем ею имелось в виду овладение арабским языком, а теми восточными языками, письменность которых основана на арабской графике.

Литература

1. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-ата: «Наука» Казахской ССР, 1976. – 44 с.
2. Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI- XVIII вв.// Учебное пособие к «Истории русского литературного языка». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. -336 с.
3. Добродомов И.Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лингвистики русского языка. – М., 1967.-374 с.

4. Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии.- М.: Международные отношения, 2003. - 432 с.
5. Международные отношения в Центральной Азии XVII- XVIII вв./ Документы и материалы. М., 1989. Кн 1. -312 с.

Р.С. Туребекова, Ю.К. Аманбаева
КазНУ имени аль-Фараби

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Эффективность каждого занятия и всего процесса обучения русскому языку студентов, для которых русский язык является неродным, зависит, прежде всего, от таких условий, как профессиональный уровень преподавателя, его умение создать свободную, творческую атмосферу в аудитории, психологическая подготовленность, умение работать по принципу обратной связи (преподаватель-студент, студент-преподаватель, студент-студент), знание типичных недостатков, допускаемых педагогами при обучении студентов-казахов при обучении русскому языку, и умение не допускать их в собственной практике. Заметим, что одним из таких недостатков является излишняя грамматикализация, увлечение теорией в ущерб развитию навыков и владению устной разговорной речью.

Из этого следует, что основной удельный вес учебного времени должен приходиться на речевую практику, непосредственное устное общение, формами которого являются монолог, диалог, полилог. При этом необходимо помнить, что говорение всегда ситуативно, то есть в процессе выражения тех или иных мыслей вслух речь должна идти о жизненно реальных ситуациях, предметах, положениях, о том, что студенту обязательно понадобится в жизненной практике. Важнейшим фактором обучения является также продуктивность говорения, то есть выработка навыков грамотного построения фразы, тех или иных речевых отрезков. В процессе обучения у студентов необходимо вырабатывать автоматизацию навыков говорения, то есть выражения той или иной мысли вслух без затруднения, автоматически. Основной формой обучения разговорной речи является диалог. Ученые-языковеды всегда отмечали «искусственность» монолога и подлинное существование языка в диалоге.

Создав разговорную ситуацию в форме диалога, педагог использует учебное время с максимальной эффективностью, создавая студентам благоприятные условия для языкового мышления, выработки правильного произношения, формирования грамматических и орфоэпических навыков.

Речевые ситуации могут создаваться с помощью текстов. Мало того, что текст сам по себе имеет все синтаксические, морфологические, фонетические единицы, которые усваивает студент, на этом материале можно провести еще и словарную работу, обогащая лексику студентов, и грамматический разбор предложения, словосочетания, слова, объяснить правописание тех или иных слов. Помимо этого можно использовать перевод на казахский язык, составить план текста для пересказа.

Жизнь требует, чтобы студенты казахскоязычной аудитории в процессе обучения научились говорить правильно, понятно и выразительно. Поэтому в программе по русскому языку большое внимание уделено речевой практике, развитию речи, использованию на занятиях различных текстов, как образцов письменной речи.

Выбор текстов, особенно из художественной литературы, не должен быть случайным. Есть общепринятые требования к художественному тексту:

а) доступность по языку. Художественный текст не должен быть перегружен устаревшими словами и конструкциями, узкоспециальными терминами, диалектизмами и малоупотребительными словами и выражениями;

б) познавательность текста (в широком смысле этого слова). Это значит, что каждый текст должен давать возможность не только развивать словарный состав студентов, но и давать пищу для размышлений, дискуссий, волновать их, отвечать на те вопросы, которые ставит перед ними повседневная жизнь. Это, в свою очередь, даст возможность опознавать и употреблять слова не только в определенном контексте, но и в отрыве от него, т.е. будет способствовать развитию навыков устной речи в полном смысле этого слова. Ведь до сих пор нередки случаи, когда студенты могут неплохо пересказать прочитанный текст, но встречаются с немалыми трудностями при обычной беседе. При этом нельзя не учитывать психологические особенности студентов, а также национальные традиции, привычки и т.д.;

в) занимательность текста. До сих пор этой стороне вопроса мало уделяют внимание. Однако остроумная шутка, веселый случай будут только способствовать лучшему запоминанию материала, а также повышению интереса к русскому языку.

г) системность текстов. При анализе художественной литературы целесообразно поступать так: сначала произвести лексический отбор, а затем соответственно этому выбирать тексты, соблюдая принципы повторяемости, последовательности степени употребительности, т.е. весь изучаемый материал должен представлять собой единую систему, направленную к единой цели.

Таким образом, при выборе художественных текстов от педагога требуется знание мировой классической литературы, истории своего народа. В учебной практике чаще всего мы обращаемся к русской классической литературе, к произведениям видных казахских классиков, благодаря которым расширяется кругозор студентов, познаются традиции казахского и русского народов.